УДК 94(100)[164.053:32]

Ярмак Ю.В.

Проявление коммуникативных особенностей «мягкой силы» в истории государственного управления [1]

Ярмак Юрий Васильевич, доктор политических наук, профессор, ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
E-mail: y.yarmak@mail.ru

В статье проводится анализ особенностей воздействия на общественные коммуникации и, в частности, на формирование в обществе субъект-объектных отношений, такого феномена, как «мягкая сила». В социально-исторической ретроспективе автор показывает особенности процесса возникновения различных её форм и объективных обстоятельств применения в разных эпохах и культурах прошлого.

Ключевые слова: коммуникация, мягкая сила, мягкая власть, интеллект управления, социальные коммуникации, государственное управление, управление социумом, образование, религия, право, воспитание.

Говоря о коммуникативном управлении, нельзя не признать того, что осознание важности связей между людьми в процессе их духовной и социальной жизни, формировалось под воздействием вызревания собственно человеческого интеллекта и накопления того опыта, который оно приобретало по ходу своего развития в рамках местного, регионального и общемирового масштаба. В частности, это происходило не только в результате осмысления наиболее яркими представителями социокультурной среды того, что: а) управление – непременный атрибут совместной жизни представителей всякого сообщества; б) социальное, а тем более государственное управление по форме не может быть совершенно одинаковым в отношении разных участников совместного проживания; в) среди общественной конгломерации, участвующей в коммуникации естественным образом верховенствуют наиболее умные и активные субъекты. В конце концов, г) именно такие люди, наделенные полномочиями управлять остальным сообществом, фокусируют в себе интеллект, энергию и права применять различные инструменты реализации этих функций.

Рассматривая различные по форме коммуникативные приёмы в комплексе механизмов управления, которые используют субъекты власти при воздействии на общество и непосредственно в социально-политической области, автор не ставит своей задачей прямым образом детализировать их содержательную часть. Мы коснемся лишь проблемы интеллектуально-гуманитарных и социальных корней формирования такого своеобразного и тонкого механизма, как «мягкая сила», очертим некоторые контуры ее использования в социальной практике. И в этом контексте я постараюсь опереться на два обстоятельства. Первое – историю зарождения идей использования «мягкой силы», вне четкого определения и институализа́ции этого феномена как понятия и терминологического образа. Второе – изменчивость пространственно-временно́го масштаба эволюционных процессов и накопления опыта использования коммуникативных свойств «мягкой силы» в разных культурах народов мира, однако, не помешавших ей превратиться в достаточно распространенное средство достижения управленческого успеха.

Силы власти в управлении социумом имеют чрезвычайно широкий диапазон вариантов своего проявления, среди которых роль «мягкой» силы отнюдь не самая последняя, а в ряде случаев – наипервейшая. Об этом говорится как в работах Джозефа Ная, введшего в современный научный оборот само понятие мягкой силы, так и в работах других авторов, занимающихся исследованием проблем мягкой силы, мягкой власти. В то же время анализ самих идей, скрывающихся за понятием «мягкая сила», свидетельствует о том, что мягкому воздействию и управлению достаточно давно уделяли внимание многие опытные руководители и искушенные властолюбцы. В истории человечества, можно видеть различные рельефно проступающие контуры и законы действия сил, играющих главную роль в осуществлении общественного управления мягким способом. В этом смысле не оригинален и мир политических отношений, так что абсолютизировать сегодня точку зрения и роль Дж. Ная в открытии феномена «мягкой власти», «гибкой силы» не совсем правильно. Другое дело, что современное обозначение данной группы понятий связано именно с идеями этого человека.

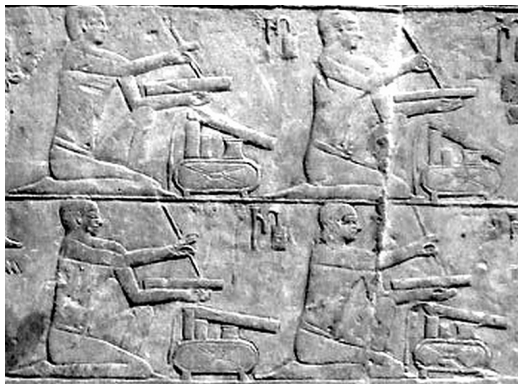
Факты существования мягкой силы и особенностей ее применения мы можем найти уже в ранних государствах. Там, где функционировал хоть какой-то интеллектуальный потенциал у носителей официальной власти, мягкая сила обязательно применялась властителями в интересах реализации своих управленческих полномочий. Более того, и на международном уровне гибкая сила, мягкая власть достаточно активно применялась, в частности, через скрытые дипломатические каналы, экономические санкции, цензовые механизмы, различные виды подкупа, интриг и шантажа,

[1] **Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Философско-методологические основания анализа коммуникативного пространства», № 14-03-00738.**

а также заключение брака между представителями разных родов. А на виду, в сфере официальных отношений это могло выглядеть логичным ходом развития отношений, событиями с ясными причинами.

Коснемся вопроса использования мягкой силы, мягкой власти во внутреннем общественном управлении. В Древнем мире роль гибкой силы, мягкой власти и её носителей выполняли колдуны и шаманы, культы и обычаи, а позже религиозные постулаты и идеологии, носителями которых выступали соответствующие конфессии.

Древний Египет. В условиях ранней государственности активную роль гибкой власти играли политико-религиозные центры, египетская знать (чиновники) жрецы. Они имели свои загадки и особенности скрытного поведения и влияния. Роль мягкой силы, в частности, в эпоху Древнего и Среднего Царств играли «Поучения»[1]. В них описываются не только открытые, но и скрытые формы управления при реализации власти и влияния, наказания и поощрения, мотивации и стимулирования поведения людских масс. Чем, если не прототипом мягкой власти, были рекомендации «Поучения гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» (XXI в. до н.э.) произносить красивые и убедительные речи, которыми правитель должен был влиять на подданных, выстраивать дифференцированные отношения с разными социальными группами – вельможами, представителями армии, простыми людьми. Фундаментальной, безусловно, оставалась главная цель управления – формирование безукоризненного поклонения царю-Богу (фараону). И на это работали институт жрецов, система сакральных знаний писцов. Недаром такие древние источники, как «Призвание писцов выше всех других» или «Все призвания хуже профессии писца», свидетельствуют о скрытой, но весьма серьезной роли указанных сословных представителей в реализации мягкой власти в обществе[2].



Группа писцов за работой. Рельеф из гробницы Мererука (Саккара, ок. 2300 г. до н.э.)

Шумерское царство. Согласно современным представлениям, что шумеры пришли в Месопотамию (предположительно, в 5000–4000 гг. до н.э.), успешно продвигаясь вглубь региона, завоевывая местное население и создавая города[3]. Предполагается, что при этом они умело сочетали силовые и не силовые средства и методы, с одной стороны, воспринимая многие достижения местной культуры, с другой стороны, обогащая и развивая ее в социальных коммуникациях. И, в конечном счете, в последующем мир узнал именно о могущественном шумерском государстве, а не о его предшественниках. Именно шумерскому государству в виде городских поселений приписывают существование советов старейшин, народных собраний, зарождение законодательной системы и других атрибутов цивилизации.

Важно, что как в Шумере, так и в Аккаде, и в Эламе – царствах с тесно переплетенными культурами управления, насчитывающими примерно двухтысячелетнюю историю, – кто бы ни приходил к верховной власти, обязательно начинал это властвование с посещения и поклонения в главных храмах Бога. Таким образом, мягкая сила религии уже тогда формировалась как тотальная форма управленческого участия при реализации власти[4], и в последующем продолжала неизменно играть существенную роль.

Рельеф с шумерской надписью от имени царя шумерского города-государства Лагаша Ур-Нанше: царь собственноручно закладывает первый кирпич в основание храма и празднует это вместе с женой и детьми (ок. 2500 г. до н.э.)

Замечу, что религия сама по себе, являясь духовной властью, часто оказывалась значительно сильнее многих других видов власти. Религиозные идеи, ценности, ритуалы, традиции и таинства тысячелетия сопровождают жизнь человечества, а для множества людей являются неоспоримой мягкой властью, от которой трудно избавиться. Миссионеры от разных религий, как известно, часто были первыми в движении, которое происходило сначала робко и

---

[1] «Пручения» представляют собой литературно-дидактическое произведение Древнего Египта. Большинство «Поучений» известно в традиционной литературной форме наставления отца сыну, сложившееся в эпоху Древнего царства. «Поучения» Древнего царства (дошли в копиях Среднего царства) приписываются высокопоставленными сановникам, самим фараонам и знаменитым мудрецам. До сегодняшнего дня дошли «Поучения» вазира фараона Хуни (III династия) своему сыну Кагемни и вазира Птахотепа (V династия) своему сыну; в других более поздних текстах упоминаются «Поучения» таких мудрецов Древнего царства, как Имхотепа (III династия), Джедефхора (IV династия), Каиреса (время неизв.). Из наиболее известных «Поучений» Среднего Царства см.: Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 17–21; Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи // Там же. С. 35–38. См. также: Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature.Volume1: The Old and Middle Kingdoms*. Berkeley, CA; London: University of California Press, 2006.

[2] См.: Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. СПб.: Нева, Летний сад, 2001; Wente E.W. "The Scribes of Ancient Egypt." *Civilizations of the Ancient Near East.* Ed. J. Sasson. New York Ch. Scribner & Sons, 1995, volume 4, pp. 2211–2221.

[3] См., напр.: Langdon S. "Sumerian Origins and Racial Characteristics." *Archaeologia (Second Series)* 70 (1920): 145–154; Speiser E.A. "The Sumerian Problem Reviewed." *The Hebrew Union College Annual* 23.1 (1950/51): 339–355; Idem. The Sumerian Problem Revisited." *The Sumerian Problem*. Ed. T. Jones. New York: John. Wiley, 1969, pp. 93–109; Ziskind J.R. "The Sumerian Problem." *History Teacher* 5.2 (1972): 34–41; Nemet-Nejat K.R. *Daily life in ancient Mesopotamia*. Westport, Conn.: Greenwood Publishing Group, 1998; Gwilym R. "Middle Eastern Archaeology." *Proceedings of the ICE-Engineering History and Heritage* 164.1 (2011): 3–16 и др.

[4] См.: Holloway S.W. *Aššur Is King! Aššur Is King!: Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire*. Leiden: Brill, 2002; Levi M.A. *Political Power in the Ancient World*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1965; Frankfort H. *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion of Society and Nature*. Chicago: University of Chicago Press, 1978; Fazeli M.T., Rad M.R.M. "A Review and Analysis of Religious, Political and Social Structure of Elam." *WALIA Journal* 31.S1 (2015): 133–140.

мягко, а позже, порой агрессивно, с широким фронтом захвата и покорения народов и территорий, охватывало другой язык, другую культуру и проникало в иную социально-политическую среду. Вслед за этим происходило изменение или подавление прежде господствовавшей социокультурной среды[1].

Справа – глиняная табличка с текстом Пролога к Законам Хаммурапи. Нач. XVIII в. до н.э.; слева – стела, изображающая получение Хаммурапи свода законов от Бога Солнца (ок. 1792–1750 гг. до н.э.)

Вавилонский царь (справа) приветствует ассирийского царя (IX в. до н.э.)

Вавилония (Вавилон). Отмечу одну из особенностей проявления мягкой силы в этом Царстве – ее законодательное оформление. При Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) сложилось централизованное рабовладельческое монархическое государство с жестко организованной системой управления во всех уголках его территории. Но Хаммурапи стремился обеспечить свое долголетнее управление подданными и с помощью законов. Для этого существовал их некий свод (282 статьи в трех разделах). В основе данного исторического документа (появившегося значительно ранее дигест Юстиниана 533 г. н.э., но равного им по масштабу и значению), лежали еще более древние идеи о законодательстве, существовавшие в Шумерах, Аккаде. Они представляли собой правила поведения для разных категорий населения Вавилонии, включая царских служащих, судей, воинов, свободных общинников и рабов. Эти морально-юридические нормы, представленные в законах, формировались не одно столетие, и оценить их можно как сдерживающие и упорядочивающие начала, основы совместного бытия людей древнего общества. Отмеченные в законах методы и инструменты управления, предусматривали помимо административных и экономических, социально-психологические методы, а именно – воспитательные. На них делался усиленный акцент, особенно в отношении семьи, здесь излагались требования к женщине и детям, к служителям культа и т.д. То есть система управления в древнем обществе предполагала использование коммуникативных свойств мягкой силы законов для воспитания понятных и привычных форм поведения, применение этических рамок, сформулированных и насаждаемых властью посредством не кнута, палок, физического насилия, а средствами законодательного воздействия (in via juris)[2].

Уже позже, в период X Нововавилонской (халдейской) династии, основанной Набуаплуцуром (Набопаласаром), система гибкой власти (мягкой силы) управления проявилась в виде такого новшества, как брачные союзы родственников царских семей различных государств. Это влияло на решение вопросов в области управления внешнеэкономическими связями, во многом определяло мирное сосуществование с другими государствами, возможность их внутреннего расцвета и развития. Такие примеры можно найти и в более поздней истории, включая историю России. То есть формат коммуникативных взаимоотношений содержал в себе значительную долю мягкого взаимодействия как внутри государств, так и между государствами-субъектами мировой политики.

Исход евреев из Египта. Мозаика синагоги в Дура-Европос, III в. н.э.

Исход евреев из Египта и формирование ветхозаветного еврейского государства (середина II тыс. до н.э.). Этот исторический период развития восточных цивилизаций дает немалое количество примеров умелого использования «мягких механизмов» управления, воздействия на разрозненные еврейские племена с целью их организации в нечто единое и жизнеспособное. Сама идея Моисея образовать кочевое государство базировалась на осознании необходимости в условиях постоянных угроз сохранить еврейский народ. Для того, чтобы это сделать, был использован испытанный способ религиозного объединения: провозглашение необходимости выполнить прямое указание Бога. Народ идею принял и

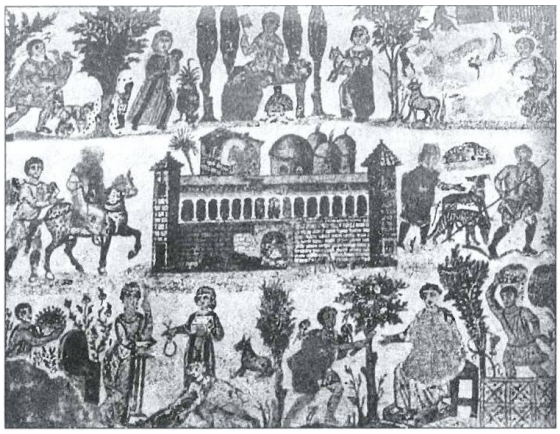
[1] См. об этом, в частности: Holloway S.W. *Op. cit.*; Majeke N. *The Role of the Missionaries in Conquest*. Cape Town: Society of Young Africa, 1952; Blussé L. "Dutch Protestant Missionaries as Protagonists of the Territorial Expansion of the VOC on Formosa." *Conversion, Competition and Conflict, Essays on the Role of Religion in Asia.* Amsterdam: Free University Press, 1984, pp. 155–184; Haynes J. *Religious Transnational Actors and Soft Power*. Surrey: Ashgate Publishing, Ltd., 2012; Haynes J., ed. *Routledge Handbook of Religion and Politics*. New York, NY: Routledge, 2009; Steiner S. "Religious Soft Power as Accountability Mechanism for Power in World Politics." *Sage Open* 1.3 (2011): 1–16.

[2] Законным путём (Сомов В.П. Латино-русский юридический словарь. М.: ГИТИС, 1995. С. 46).

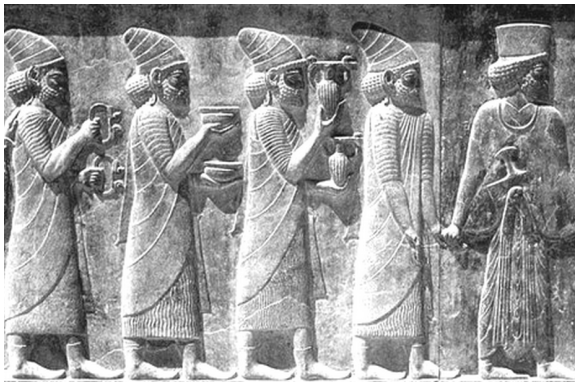
поверил в нее. Все остальное, условно говоря, зиждилось на высоком уровне организации управления, помноженном на инстинкт самосохранения, и интеллекте в использовании разноплановых механизмов коммуникационного единения: перепись еврейского населения; определение гибкой, но устойчивой структуры «движущегося государства»; обеспечение какого-то порядка при его мобильности; тесные родоплеменные связи и традиции...

Открытая сила и, тем более, единоличная деспотия – чрезвычайно опасный и практически всегда менее продуктивный коммуникативный способ управления государством, нежели управление посредством хорошо организованного и мягко действующего авторитетного коллективного разума. Но это может считаться только теоретическим взглядом. В реальности история свидетельствует о том, что государства и их население испытывали на себе как крайне жесткие или весьма мягкие, так и сложно сочетаемые между собой принципы управления. Именно крайности – безальтернативная предрасположенность к доверию, привлечение во властное управление широкого круга способных к здравому смыслу, но мягких по характеру людей или, наоборот, предпочтение жестких бескомпромиссных форм управления – во все времена истории порождали синусоидальные изменения в конфигурации власти государства. А переходы от крайностей к крайностям без продуктивного сочетания мягкости и насилия в управлении, как правило, приводили к мучительному состоянию большей части социума.

Переходы такого плана, в частности, можно увидеть в истории управления *городом-государством Карфаген*, который за две с лишним тысячи лет (825 г. до н.э. – начало III в. до н.э.) переживал как статус властелина западного побережья Средиземного моря, так и участь беспощадно уничтожаемого центра цивилизации[1]. Это было связано с разными ритмами развития не только хозяйственно-экономических связей и коммуникаций в его организме, но и уровнями развития политической мысли, традициями политического управления правителей тогдашнего времени. В Карфагене с его олигархическим устройством[2] на протяжении больше части его истории было большое количество институтов, которые обеспечивали коммуникационные каналы и взаимодействие социальных групп, непосредственно обеспечивали взаимодействие между институтами власти и общества. Это некие подобия прото-партий и прототипы «республиканского» управления, Советы десяти и Советы тридцати, варьирование Советов старейшин, доходивших до трехсот человек, и появление верховной инстанции – коллегии в составе магистров-суффетов, которые ежегодно сменялись выборным порядком и являлись исполнительной и судебной властью. Хотелось бы отметить, что они исполняли свои обязанности безвозмездно. Осуществлялись и другие меры по привлечению к управлению обществом возможно большего количества достойных граждан: проводились выборы из представителей городских цехов и объединений грамотных и честных людей для создания комиссий по переоценке состояния тех, чьи хозяйства подлежали налогообложению.



Усадьба. Античная мозаика из Карфагена (Табарка, конец IV в. до н.э.)



Финикийские купцы преподносят дары персидскому царю. Барельеф из Персеполиса. V в. до н.э.

Такие основы для существования мягкой власти не отменяли существование совершенно конкретных и жестких правил и мер управления. Успешное сочетание различных форм мягкого влияния и силы с жесткими правилами осуществления власти способствовало экономическому развитию Карфагена, постепенному расширению его влияния на других территориях. Несомненными механизмами данного процесса выступали как торговля, миссионерская деятельность, так и договорная дипломатия с аналогичными городами-образованиями, что существенно дополняло хорошее военно-стратегическое состояние Карфагена как сильной державы.

Не менее интересны обстоятельства, о которых Дж. Най современным языком говорит как о силе культуры и образования[3], которые могут играть важную роль в формировании социальных коммуникаций не только внутригосударственного уровня, но и во внешнем влиянии государств на другие субъекты международных отношений как мягкой силы. Коснемся этого фактора в условиях эпохи Западно-Европейского Средневековья и, в частности, в условиях формирования международных интеллектуальных центров в виде университетов, которые в ту эпоху сыграли роль мягких механизмов единения не только культур европейских стран, но и социально-экономического пространства. В этом помощь нам окажут исследования Жака Ле Гоффа – мэтра французской историографии, одного из наиболее выдающихся современных европейских ученых, главные работы которого посвящены европейской истории Средних веков[4].

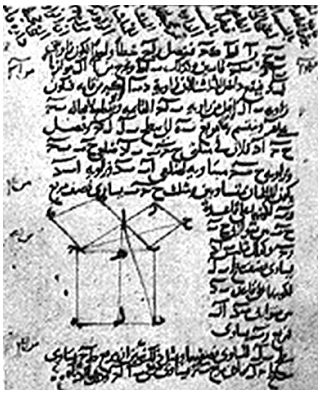
---

[1] Miles R. *Carthage Must Be Destroyed: The Rise and Fall of an Ancient Civilization*. London, UK: Penguin Books, 2011; Scullard H.H. "Carthage." *Greece and Rome (Second Series)* 2.03 (1955): 98–107.

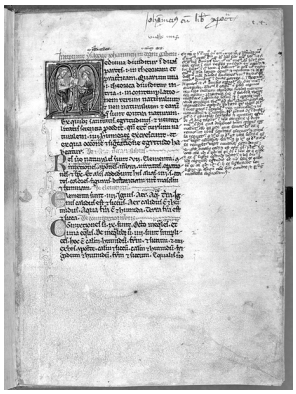
[2] См.: Miles R. "Carthage: A Mediterranean Superpower." *Historically Speaking* 12.4 (2011): 35–37.

[3] Nye J.S. "Soft Power." *Foreign Policy* 80 (1990): 153–171; Idem. "Soft Power and Higher Education." *Internet and the University Forum.* N.p., 2004 PDF-file. <http://www.educause.edu/ir/library/pdf/ffpiu043>.

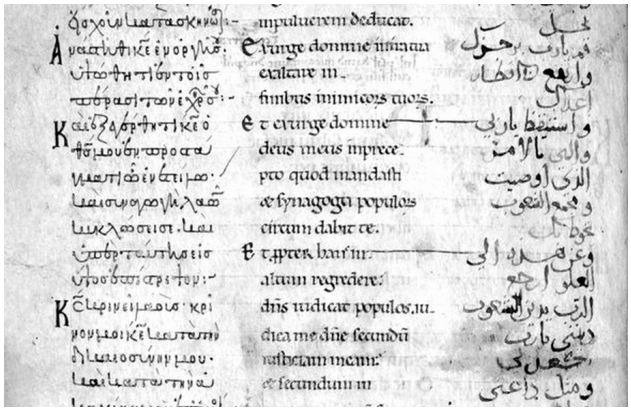
[4] См.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992; Он же. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002; Он же. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008; Он же. Интеллектуалы в Средние века и др. М.: Изд-во Аллегро-Пресс, 1997.



Фрагмент рукописи арабского ученого Аль-Туси с интерпретацией теоремы Пифагора. 1258



Медицинский трактат «Ysagoge Iohannitius in Tegni Galieni» Хунайна Ибн Исхака (808–873), переложение греческой «Ars medica» Галена, на арабском и латыни. Между 1210 и 1230



Греко-латинско-арабская рукопись из собрания Британской библиотеки, до 1153

Слева – студенты немецкого землячества в Болонском университете; справа – в Парижском университете. Миниатюры XV в.

В раннем Средневековье (XI–XII вв.) среди тогдашних интеллектуалов еще продолжал оставаться влиятельным авторитет античной культуры, научных знаний прошедшей эпохи, что формировало потребности двигаться к свету науки, не оспаривая идей древних, но став на их плечи, совершать нечто новое. Данный процесс развивал и синтезировал понимание грамматики и поэзии, логики и риторики, математики и живописи, физики, философии и этики древних. В этот период расширялся процесс ремесленных производств и торговли и на перекрестках обмена товарами шел обмен идеями. Вместе с приходом на европейские рынки тканей и редких ремесленных товаров с Востока (Багдад, Византия, Дамаск, Кордова, др.) в христианский мир пришли рукописи греко-арабской культуры. Хотя посредником в этом процессе была арабская культура, всё же труды Аристотеля, Гиппократа, Галена, Птолемея, Эвклида, благодаря хорошему переводу и восприятию их в мусульманских школах, а так же сохранению в библиотеках, доходили в регионы западного христианства с высоким уровнем достоверности.

Несмотря на военные столкновения того времени между Западом и исламским миром проникновение книг, восточных рукописей, различных сочинений, а вместе с ними и идей всё же происходило достаточно активно. Такой мирный культурно-гуманитарный обмен шел в основном через Италию и Испанию. Христианские охотники за греческими и арабскими манускриптами в своих исканиях восточных ценностей доходили до мест, где переводчики и переписчики создавали фолианты на трёх языках – греческом, арабском и латинском (Палермо, Толедо и др.) Часто над арабскими версиями греческих текстов, арабскими оригиналами и над собственно греческими текстами трудились группы переводчиков. Здесь порой сотрудничали как испанские христиане, находившиеся определенное время под властью мусульман, христиане Запада, евреи и даже сами мусульмане. Так мягкая власть познания и завораживающая сила авторитета античной культуры объединяли представителей других культур и национальных традиций в коммуникативном диалоге, давали возможность создавать те материалы, которые и ныне являются наиболее близкими к оригиналам их создателей. Это служило расцвету западных знаний и наук.

Постепенно некоторые города Европы, ранее Болонья, позднее Париж, Шартр, становились центрами, где восточная культура вливалась в христианскую культуру, становясь её интеллектуальной частью. Можно сказать, что к XIII в. обнаружилась уже достаточно устойчивая тенденция закрепления интеллектуального движения в виде организации в различных городах Европы системы университетских центров. Это выводило мягкую силу образования и науки на новый уровень участия в экономической и социально-политической жизни городов-государств. Интересно, что в тот период стали возникать ремесленные корпорации – порождение необходимости не только расширять производство на основе знаний, но и использовать определенные гуманитарные знания для управления и взаимодействия (чаще противодействия) с властями. Среди ремесленников возникала организационная практика объединения для защиты своих интересов и прав на установление монополии в прибыли, влияния на управление в городах. В данном процессе участие тех, кто имел возможность получить образование, а потом войти в трудовое сообщество, вероятно, было знаменательным и достаточно серьезным фактором. Происходила институционализация городов как центров социокультурного развития, где материализовались политические свободы, завоеванные коммунами. Иногда наиболее крупные города, расположенные на королевской земле, не получая прав самоуправления, тем не менее, пользовались рядом привилегий и вольностей, в том числе и правом иметь выборные органы городского управления. Это происходило не только во Франции и Италии, но и в Англии и Германии.

Достаточно определенная связь в развитии городов с возникновением и существованием университетов была отнюдь не только позитивного характера. Свои негативные последствия имела сложная борьба университетов не только с церковными, но и светскими властями. К тому же жизнь в городских районах неспокойного племени молодых

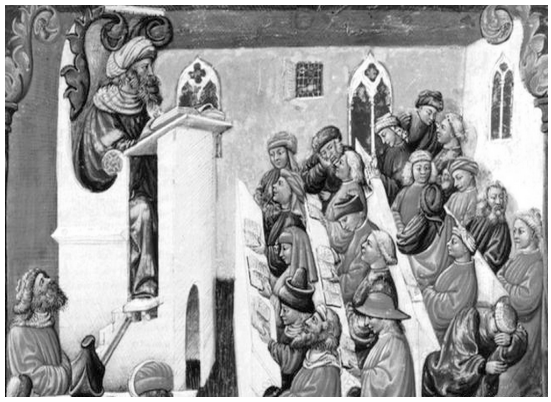
интеллектуалов нередко будоражила городскую общественность[1]. Но преимущества перевешивали недостатки: здесь и экономическое значение университетского населения, и университетская форма «питомника» для взращивания чиновников, грамотных советников для структур управления. Наконец, такая сторона коммуникативного взаимодействия, как престижность (сегодня это называлось бы имиджем) существования в городе университета и его влияние на культурную атмосферу, имели тоже немаловажное значение.

Имея как локальные цели, так и интересы национального и местного характера, университеты, вместе с тем, были интернациональны по составу преподавателей и студентов, по способу деятельности. К тому же, в силу интернационального характера самой науки, интеллектуальное сообщество взращивало себя на широких горизонтах достижений крупнейших университетов Европы. Там закладывались основы толерантного мировоззрения в межнациональном контексте, психология лидерства и университетский корпоративный дух, идеи единства гражданского и канонического права, независимо от государственного разделения. Постепенно формировались люди собственно гуманитарно-просветительского интеллектуального ремесла, деятельность которых была связана с осмыслением и пониманием не только законов природы, но и человеческого общежития.

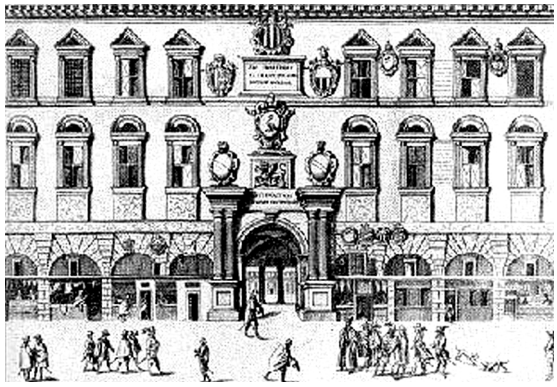
Постепенно возникало понимание того, что не только практическое мышление является основой жизненного успеха, но и само по себе теоретическое мышление, связанное со знанием законов этого мышления и интеллектуальной работой в условиях социальных коммуникаций представляет собой ценность, товар и прагматическую перспективу. Формируются устойчивые убеждения в том, что накопленные знания следует пускать в оборот, прежде всего через понимание сущности человека в социальном сообществе. Можно сказать, что в то время в глубинах средневековой ментальности вызревала ментальность приближающейся эпохи Просвещения и, в частности, будущая система демократических форм управления, которая придет гораздо позже. Этому процессу в историческом и духовно-идеологическом плане предстояло пройти еще многие тернии сложностей и пережить отступления перед натиском диктатур различного цвета и масштаба. Однако принципиальное значение научных общественно-политических знаний для эффективного и справедливого государственного управления, выстраивания гуманистических коммуникаций имело начало и зарождалось именно в те времена, и не утрачено поныне.

Век университетов – XIII столетие, – передал эстафету в формировании интеллектуальной среды, определяющей в будущем формы и содержание государственного управления, единения Европейских государств, другому времени. С XIV в. этот процесс коснулся Восточной, Центральной и Северной Европы, в городах которой появляются новые и возрождаются прежде исчезнувшие университеты – в Праге (1347), Кракове (1364), Вене (1365), Гейдельберге (1385), Кёльне (1388), Будапеште (1389), Эрфурте (1392), Лейпциге (1409), Сент-Эндрю (1413), Глазго (1450), Упсале (1477), Копенгагене (1478) и многих других. Часть из них, пережив времена падения, возрождались вновь. Так, Падуанский университет, основанный в 1222 г., возродившись в 1404 г., стал университетом Венецианской республики, университет Пьяченцы, основанный в 1248 г. и возродившийся в 1398 г., став в последствии интеллектуальным центром герцогства Миланского[2].

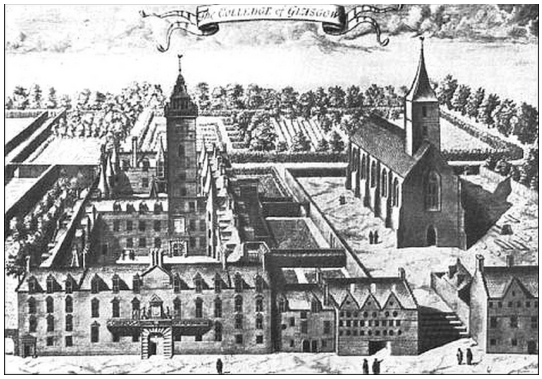
Атрибутивные функции образования как механизма мягкой силы, существовали во все последующие времена и ныне играют большую роль не только в развитии социально-политических коммуникаций, формировании интеллекта нации



Лекция в университете.
Книжная миниатюра. XIV в.



Падуанский университет.
Гравюра 1654 г.



Университет Глазго. Гравюра XVII в.

Университет Упсалы.
Гравюра XVIII в.

[1] См.: Глаголева Е.В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014.
[2] См.: Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века.

и в социальном управлении внутри современных государств. Указанная форма мягкой силы работала и работает как средство расширения влияния государств на международном пространстве. Например, авторитет Советского Союза в послевоенный период (1950-е–1970-е гг.) был высоким не только за счёт Победы над фашистской Германией и её сателлитами во Второй мировой войне, но и за счёт того, что СССР в свои вузы принимал огромное количество желающей учиться молодёжи из стран Африки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. Кроме того, мы способствовали созданию высшей школы во многих государствах этих регионов мира. За годы существования Советского Союза у нас был накоплен большой опыт в обучении иностранных студентов, отметила на октябрьском 2013 г. совместном заседании комитетов Совета Федерации по международным делам и науке сенатор З. Драгункина, подчеркнув: «Это один из инструментов политики "мягкой силы", которая способствует формированию положительного образа нашей страны в мире»[1]. К 1990 г. в Советском Союзе обучалось более 180 тысяч иностранцев[2], многие из которых к настоящему времени заняли весьма высокие позиции в рядах политической и экономической элиты стран этих регионов. Как следствие, кроме прочего, нынешние многие политические деятели этих государств, которые получили образование в России и хорошо владеют русским языком, ныне проводят лояльную по отношению к нашей стране политику. Там в целом с теплотой и доброжелательностью к нам относятся именно те, кто закончили наши вузы еще в советское время. К сожалению, на сегодняшний день квота на иностранных студентов в российских вузах составляет на порядок меньше, чем в те времена, хотя мягкая сила образования действует по-прежнему универсально. Наши оппоненты по мировой конкуренции в этом смысле действуют более целенаправленно.

Описанные выше социально-исторические процессы, задолго до современных цивилизаций готовили «питательный бульон» для господства здравого смысла в общественных коммуникациях и, одновременно, для противостояния ортодоксальности силового давления в управлении. Понятно, что требуется не только осознание этого, но и принятие «мягкой власти» как более продуктивной по отношению к жесткой властной силе. И такое признание зиждется не только на представительстве интеллектуально достойных во власти людей, но и на использовании ими в институтах государства обобщенных знаний, сохранении национальных традиций, ценностных религиозных практик, сложившихся в первоначалах человеческой истории. Тем более, что развивалась последняя неоднозначно, но в целом, в главном направлении – доказывая предпочтительность использования именно мягких форм отношений. Этим направлением можно считать признание (sic! – хотя бы признание) первоосновы в социально-политическом внутригосударственном плане принципов отрицания агрессивности, ортодоксальности и глухоты к доводам остальных участников социального диалога или участников гражданских форм коммуникации.

С другой стороны, здравый смысл и общечеловеческий опыт подталкивают мировое сообщество, и особенно государства-лидеров мировой политики, к предпочтению в реализации своих интересов демократических принципов: использования сдержек и противовесов, подконтрольности, коллегиальности, выборности и исполнения власти на общественных началах, утверждения чрезвычайной важности образования и культуры в диалоге между социальным группами и народами, не игнорирования общественного мнения и гласности в определении маршрута политического развития.

Говоря об этом, конечно же, автор нисколько не строит иллюзий по поводу завершенности или хотя бы больших успехов на этом пути. Чрезвычайно много в этой области предстоит сделать, как у нас в стране, так и в мировом сообществе. И это дело, видимо, имеет начало в признании того, что задолго до нашего времени в практику мягкого социального воздействия и осуществления власти были привнесены не только религиозные формы, но и морально-этические нормы социально-психологического и воспитательного влияния на социальную среду. Использование принципа договорённости и механизмов поиска компромиссных решений в спорных вопросах, отклонение жестко бескомпромиссных позиций, формирование неких коллегиальных (а значит, более мягких, нежели единоличные) управленческих механизмов, постепенно формировало то явление, которое мы сегодня называем мягким влиянием, мягким воздействием, мягкой силой, мягкой властью. И этот опыт следует использовать в полной мере.

К сожалению, в разноликом социуме различные типы его представителей, более того, различные народы и государства, по-разному относясь к власти, движению к ней, удержанию и использованию ее инструментов, сохраняют приверженность «жесткой силе». Поэтому формирование сегодняшних представлений о выборе мягкой силы для управления и влияния, осуществления власти и формирования коммуникативных отношений взамен жестких силовых форм – долгий процесс научения плохо обучаемого человечества и его властителей. За шагом вперед практически всегда следует отступление назад.

Подобное «челночное», поступательно-откатное движение[3] по-прежнему оставляет открытым вопрос об общих тенденциях в выборе форм применения мягкой силы. К каким формам управления – демократическим или авторитарным и жестким – склоняются отдельные страны и общества, те или иные представители государственной власти, человечество в целом – вопрос по-прежнему животрепещущий. А из исторического опыта следует, что мы, во-первых, отнюдь не оригинальны в попытках осознать необходимость делать правильный выбор; во-вторых, просто не учимся на историческом опыте или не хотим это делать, когда игнорируем здравый смысл и разумную гибкость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

[1] Пресс-служба Совета Федераций. В Совете Федерации предлагают модернизировать систему отбора и обучения иностранных студентов в России [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Университетская книга». 2013. 14 октября. Режим доступа: http://www.unkniga.ru/news/2056-v-sovete-federacii-predlagayut-modernizirovat-obuchenie-inostr-studentov.html.

[2] Порядка 33 тыс иностранцев поступили в российские вузы в 2013 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. 14 октября. Режим доступа: http://ria.ru/society/20131014/969903800.html

[3] Подобное маятниковому движению – «маятнику» – Дж. Арриги и в значительной мере порожденное этим маятником (см.: Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 287).

2. Белявский В.А. Тайны Вавилона. М.: Вече, 2001.
3. Бодак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М., Воротникова О.А. История Древнего мира. Минск.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
4. Глаголева Е.В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014.
5. Егер О. Всемирная история: в 4 томах. М.: АСТ, 2000.
6. Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. СПб.: Нева, Летний сад, 2001.
7. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
8. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. М.: Изд-во Аллегро-Пресс, 1997.
9. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008.
10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
11. Макашов И.Н., Овчинникова Н.В. Всемирная история управленческой мысли. Краткий курс. М.: РГГУ, 2007.
12. Порядка 33 тыс иностранцев поступили в российские вузы в 2013 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. 14 октября. Режим доступа: http://ria.ru/society/20131014/969903800.html.
13. Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи // История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 35–38.
14. Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебное пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 17–21
15. Пресс-служба Совета Федераций. В Совете Федерации предлагают модернизировать систему отбора и обучения иностранных студентов в России [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Университетская книга». 2013. 14 октября. Режим доступа: http://www.unkniga.ru/news/2056-v-sovete-federacii-predlagayut-modernizirovat-obuchenie-inostr-studentov.html.
16. Слива М. Польская демократия. Идеи – люди – события. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
17. Сомов В.П. Латино-русский юридический словарь. М.: ГИТИС, 1995.
18. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Гардарики, 2005.
19. Сорина Г.В., Меськов В.С. Логика в системе культуры // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 93–103.
20. Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
21. Blussé L. "Dutch Protestant Missionaries as Protagonists of the Territorial Expansion of the VOC on Formosa." *Conversion, Competition and Conflict, Essays on the Role of Religion in Asia.* Amsterdam: Free University Press, 1984, pp. 155–184.
22. Fazeli M.T., Rad M.R.M. "A Review and Analysis of Religious, Political and Social Structure of Elam." *WALIA Journal* 31.S1 (2015): 133–140.
23. Frankfort H. *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion of Society and Nature*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
24. Gwilym R. "Middle Eastern Archaeology." *Proceedings of the ICE-Engineering History and Heritage* 164.1 (2011): 3–16.
25. Haynes J. *Religious Transnational Actors and Soft Power*. Surrey: Ashgate Publishing, Ltd., 2012.
26. Haynes J., ed. *Routledge Handbook of Religion and Politics*. New York, NY: Routledge, 2009.
27. Haynes J. "Religion, 'Soft Power' and Foreign Policy Making in the USA, India and Iran." *Third World Quarterly* 29.1 (2008): 143–165.
28. Holloway S.W. *Aššur Is King! Aššur Is King!: Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire.* Leiden: Brill, 2002.
29. Langdon S. "Sumerian Origins and Racial Characteristics." *Archaeologia (Second Series)* 70 (1920): 145–154.
30. Levi M.A. *Political Power in the Ancient World*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1965.
31. Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature.Volume1: The Old and Middle Kingdoms*. Berkeley, CA; London: University of California Press, 2006.
32. Majeke N. *The Role of the Missionaries in Conquest*. Cape Town: Society of Young Africa, 1952.
33. Miles R. "Carthage: A Mediterranean Superpower." *Historically Speaking* 12.4 (2011): 35–37.
34. Miles R. *Carthage Must Be Destroyed: The Rise and Fall of an Ancient Civilization*. London, UK: Penguin Books, 2011.
35. Nemet-Nejat K.R. *Daily life in ancient Mesopotamia*. Westport, Conn.: Greenwood Publishing Group, 1998.
36. Nye J.S. "Soft Power and Higher Education." *Internet and the University Forum.* N.p., 2004 PDF-file. <http://www.educause.edu/ir/library/pdf/ffpiu043>.
37. Nye J.S. "Soft Power." *Foreign Policy* 80 (1990): 153–171.
38. Scullard H.H. "Carthage." *Greece and Rome (Second Series)* 2.03 (1955): 98–107.
39. Speiser E.A. "The Sumerian Problem Reviewed." *The Hebrew Union College Annual* 23.1 (1950/51): 339–355.
40. Speiser E.A. The Sumerian Problem Revisited." *The Sumerian Problem*. Ed. T. Jones. New York: John. Wiley, 1969, pp. 93–109.
41. Steiner S. "Religious Soft Power as Accountability Mechanism for Power in World Politics." *Sage Open* 1.3 (2011): 1–16.
42. Wente E.W. "The Scribes of Ancient Egypt." *Civilizations of the Ancient Near East.* Ed. J. Sasson. New York Ch. Scribner & Sons, 1995, volume 4, pp. 2211–2221.
43. Ziskind J.R. "The Sumerian Problem." *History Teacher* 5.2 (1972): 34–41.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:
Ярмак, Ю. В. Проявление коммуникативных особенностей «мягкой силы» в истории государственного управления / Ю.В. Ярмак // Пространство и Время. — 2015. — № 3(21). — С. 126—133. Стационарный сетевой адрес 2226-7271provr_st3-21.2015.42.